

Камышева И.А.

КРЫМСКИЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Марина Ивановна Цветаева, талантливый поэт, прозаик, переводчик, литературный и театральный критик, неоднократно бывала у нас в Крыму. Более того, Крым, в первую очередь - Коктебель, сыграл важную роль в становлении её поэтического стиля и развитии творческой индивидуальности. К сожалению, в нашем литературном краеведении изучению влияния крымских мотивов на её творчество уделено недостаточное внимание.

Первое знакомство М.И. Цветаевой с Крымом произошло в 1905 году, когда семья Цветаевых приехала в Ялту для лечения матери Цветаевой, М.А. Мейн, страдавшей тяжёлой формой туберкулёза. Второй визит состоялся летом 1911 года и был связан с выходом в свет первой книги стихов М.И. Цветаевой «Вечерний альбом». Благодаря этому сборнику она познакомилась с М.А. Волошиным, который вскоре и пригласил её к себе в Коктебель. В свой третий приезд, в 1913 году, Цветаева прожила в Феодосии почти два года, принимая активное участие в культурной и общественной жизни. Сёстры Цветаевы вошли в круг самых талантливых и интеллигентных людей города, среди которых было множество крымских поэтов и художников. Они были дружны с семьёй художника К.Ф. Богаевского, архив которого хранится в Феодосийской картинной галерее им. И.К. Айвазовского, с художниками М. Латри, К. Кондауровым, Н. Хрустачёвым. Часто бывали они в доме Анны Никитичны Айвазовской, которая любила собирать у себя людей искусства. Выехав из Феодосии в июне 1914 года, Цветаева вскоре вновь сюда вернулась. Летом 1915 года она отдыхала в Коктебеле со своей подругой Софией Парнок и её сестрой, Елизаветой Тараховской, впоследствии известной детской писательницей.

В последний раз М.И. Цветаева приехала в Крым в 1917 году. Ночь с 25-го на 26-е октября она встретила в Феодосии, в доме сестры. За два месяца она четыре раза проделала путь от Москвы до Феодосии и обратно. Свои дорожные впечатления Цветаева записывала в тетрадку, которая стала основой очерка «Октябрь в вагоне». Отношение к революции, зафиксированное в этих записках, во многом предопределило дальнейшее развитие цветаевской лирики.

Стихи «Вечернего альбома» отличаются ярко выраженным книжным восприятием мира. «Книги мне дали больше, чем люди, - пишет Цветаева Волошину из Гурзуфа. - Воспоминание о человеке всегда бледнеет перед воспоминанием о книге, - я не говорю о детских впечатлениях, нет, только о взрослых.

Я мысленно всё пережила, всё взяла. Моё воображение всегда бежит вперёд. Я раскрываю ещё не раскрытые цветы, я грубо касаюсь всего самого нежного и делаю это невольно, не могу не делать! Значит, я не могу быть счастливой?..» Цветаева осознаёт, что вокруг неё пустота, что нельзя жить только романтическими книжными идеалами:

...Можно тени любить, но живут ли теньями

Восемнадцати лет на земле?

«Ещё молитва», 1910 г. [1, с. 214]

В Коктебеле она постепенно под влиянием новых жизненных впечатлений освобождается от книжности стиха. Происходит это благодаря встрече с будущим мужем, Сергеем Эфроном, который стал для Цветаевой не только любимым человеком, но и героем её лирики на многие годы.

Очевидно, первое, что привлекло к нему Цветаеву, - это ореол мученичества и загадочности. Практически все члены большой семьи Эфронов были революционерами, мать и отец - члены «Земли и воли» и «Чёрного передела», оба - сторонники террора. Отец Елизаветы Петровны Эфрон был из аристократического рода Дурново, мать - из купцов. Сама Елизавета Петровна всю жизнь посвятила революции, несмотря на девятерых детей.

Летом 1906 года Е.П. Эфрон была арестована. Не дожидаясь суда, она тайно бежала за границу с младшим сыном Константином. В январе 1910 года Костя, придя из школы, повесился. В ту же ночь, не перенеся смерти сына, покончила с собой и мать. Сёстры Сергея, Вера и Елизавета, скрывали от него смерть матери: он был слишком молод и к тому же болен туберкулёзом.

Из летнего Коктебеля Марина и Сергей уехали вдвоём. 26 июля 1911 года пришло первое письмо с Усень-Ивановского завода, где Эфрон лечился кумысом:

«Дорогой Макс!

Если бы ты знал, как я хорошо к тебе отношусь!

Ты такой удивительно милый, ласковый, осторожный, внимательный. Я так любовалась то-

бой по вечерам в Старом Крыму - твоим участием к Олимпиаде Никитичне, твоей вечной готовностью помогать людям.

Не принимай всё это за комплименты, я вовсе не считаю тебя какой-нибудь ходячей добродетелью из общества взаимопомощи, - ты просто Макс, чудный сказочный Медведюшка. Я тебе страшно благодарна за Коктебель, -*rays de redemption*, как называет его Аделаида Казимировна, и вообще за всё, что ты мне дал. Чем я тебе отплачу? Знай одно, Максинька: если тебе когда-нибудь понадобится соучастник в какой-нибудь мистификации, позови меня. Если она мне понравится, я соглашусь. Надеюсь, что другого конца ты не ожидал? Я опять принялась за Jean Roal'a, - у него чудные изречения, например: так же нелепо судить мужчину по его знакомым, как женщину по её мужу».

Со времени цитированного письма из Гурзуфа прошло всего три месяца, а настроение Цветаевой полностью переменялось: тон письма бодрый и жизнерадостный. Всё реже и реже упоминает она о книгах. Письма её заполнены радостной болтовнёй, планами на будущее с Сергеем. В письме из Москвы от 3 ноября она сообщает о своём решении венчаться с Эфроном.

С этого момента в лирике Цветаевой появляется новый романтический герой. Новый этап цветаевского творчества проходил под знаком Макса Волошина и Коктебеля. Стихи 1913-1916 годов стали не просто богаче по тематике, они стали ощутимее, ярче. Если в «Вечернем альбоме» стихи построены на медитации, то теперь в них преобладают эмоции. В «Юношеских стихах» уже больше энергии, чувства, ритма, их лирика - жизнеутверждающая.

На годы Сергей Эфрон становится романтическим героем поэзии Цветаевой. Именно - романтическим, потому что традиционной любовной лирикой эти стихи не назовёшь. В них нет ни любовной страсти, ни обычных любовных признаний. Есть только одно: требование быть идеалом.

В описании героя Цветаева определённо следует старой романтической эстетике. Портрет его не индивидуализирован, это лишь средство выделить героя из среды. Цветаева наделяет его «огромными глазами цвета моря», голубой кровью, хрупкой фигурой, «чрезмерно узким» лицом, которое «подобно шпаге». В образе её романтического героя сливаются идеал мальчишеской чистоты, красоты и рыцарства. Герой Цветаевой - мальчик, чистый ребёнок с высокими помыслами. Воспевать детство было характерно для неё при вступлении во взрослый мир - возможно, из-за разочарования в нём (вспомним «Вечерний альбом»). На себя она берёт роль учителя - руководящую роль: «А когда бы улеглась/ эта пепельная грудка, -/ Господи, какое чудо / Я бы сделала из Вас! / Юношей воскрес старик!/...» («Я сейчас лежу ничком...») . [3, стр. 57] . Цветаева сама чувствует, что наступил перелом.

Такой романтический герой продержится в творчестве Цветаевой многие годы. В 1916 году в стихотворении «Ты запрокидываешь голову» она писала: «В тебе божественного мальчика, - / Десятилетнего я чту». И дальше:

Мальчишескую боль насвистывай
И сердце зажимай в горсти ...
- Мой хладнокровный, мой неистовый
Вольноотпущенник - прости!
[3, с. 51]

Её герой - чистый, но благородный и мужественный юноша, таким он и останется практически на всю жизнь. Любовь к нему лишена какой бы то ни было чувственности, такая любовь - не страсть. Страстная любовь у Цветаевой будет вызвана совсем другим человеком и получит совершенно иное осмысление.

Осенью 1914 года Цветаева познакомилась с талантливой, но мало кому известной и тогда, и сейчас поэтессой - Софией Парнок.

София Парнок - автор пяти стихотворных сборников: «Стихотворения», 1916; «Розы Пиерии», 1922; «Лоза», 1923; «Музыка», 1926; «Вполголоса», 1928. Литературный критик, переводчик, автор нескольких оперных либретто. Сведения о её биографии очень скудны, эпистолярное её наследие тоже большей частью не сохранилось. Она не была известна широкому читателю, её почитали и любили только друзья - Волошин и его домочадцы. Когда она умерла, Союз писателей даже забыл вовремя сообщить об этом. Лишь в день похорон появилось маленькое объявление с грамматическими ошибками.

Первая критическая оценка её стихов была сделана В.Ходасевичем - в её некрологе.

София Парнок была самостоятельна в литературе, и это роднит её с Цветаевой. В её творчестве, как и в лирике Цветаевой, особую роль играет стихия звука. Основа её стиха - музыкальность:

Послушай, друг мой, послушай-
Флейта... И как легка!
Это ветер дует мне в душу,
Как в скважину тростника.

Хотя бы в мгновенья эти
Не закрывай ушей:
Ведь тот же блуждает ветер
И в твоей полночной душе.

Как дудочка крысолова,
Как ртуть голубая луны,
Колдует тихое слово,
Скликая тайные сны.

И рвётся тонкая привязь,
И нет тяготенья земли, -
Не мне, а себе не противясь,
Внемли мне, мой друг, внемли.
«Послушай, друг мой, послушай...», 1926 г.
[6, с. 110]

С Софией Парнок связан целый цикл стихотворений Цветаевой - «Подруга». Образ подруги - образ сильной, мужественной женщины, которая имеет гибельную власть над людьми. Она холодна, горда, величественна. Её рука - осколок льда, рот - «чудовищный цветок», лоб - «бетховенский», волосы - «как шлем». Подруга - «Снежная королева» - воплощение порочной любви, которая притягательна для Цветаевой своей новизной, резким контрастом со всем, что она знала до сих пор. Эта новая любовь - полная противоположность прежней, связанной с девственным лирическим героем. Развитие этой темы приводит к появлению бунтарских мотивов. Цветаеву всё больше привлекает земное, а не небесное. Прелесть земного - в страстности, безрассудстве, в смелости решений. Понятие греха наполняется двояким содержанием: да, грех предосудителен перед лицом Бога, да, он приносит одни страдания, но в нём - смысл и радость жизни:

Быть в аду нам, сёстры пылкие,
Пить нам адскую смолу,
Нам, что каждою-то жилкою
Пели Господу хвалу!
[5, с. 38].

Мотивы бунтарства и бродяжничества становятся определяющими для лирики Цветаевой. Но бунтарство в любви скоро приводит к разочарованию: уже в «Подруге» Цветаева выражает необходимость любя - расстаться, так как такая любовь - «ловушка для души».

И ещё скажу устало,
- Слушать не спеши! -
Что твоя душа мне встала
Поперёк души.

И ещё тебе скажу я:
-Всё равно - канун! -
Этот рот до поцелуя
Твоего - был юн.
Взгляд - до взгляда - смел и светел,
Сердце - лет пяти ...
- Счастлив, кто тебя не встретил
На своём пути!
«Повторю в канун разлуки...», 1916 г.

[4, с. 185]

«Ребёнок - вот всегдашнее продолжение любви», - напишет Цветаева позже в «Письме к амазонке». В союзе двух женщин такого будущего нет и не может быть, поэтому их связь бессмысленна и порочна с точки зрения Природы.

Встреча с Парнок - трагическая страница в жизни Цветаевой, после разрыва с ней Марина

Ивановна очень долго находилась в состоянии глубочайшего душевного и творческого кризиса. Для нас она замечательна тем, что в конце июня 1915 года Цветаева с Парнок приехали в Коктебель и вместе отдыхали здесь два месяца. В это время Цветаевой были написаны два стихотворения: «Какой-нибудь предок мой был - скрипач...» и «Милый друг, ушедший дальше, чем за море...».

К семнадцатому году М.Цветаева как поэт уже достигла зрелости. Её стих, поначалу робкий и неопытный, полностью окреп, сформировался стиль, особый поэтический язык, авторские приёмы. Таким образом, на события семнадцатого года откликнулся уже взрослый, вполне сложившийся поэт.

Хотя Цветаеву, безусловно, нельзя назвать поэтом гражданского толка, однако на революционные события, в которых участвовал её муж, она отреагировала из глубины души.

Накануне революции 1917 года Сергей Эфрон получил назначение на должность прапорщика десятой роты 56-го запасного пехотного полка. «Жизнь у меня сейчас странная ... никаких мыслей, никаких чувств, кроме чувства усталости ... Целыми днями обучаю солдат - маршам, военным артикулам и т. д.» - пишет он Волошину 9 августа. Он и М.И. Цветаева просят Волошина хлопотать через знакомого генерала о переводе Эфрона в артиллерию - в Коктебель или в Феодосию. Силы Цветаевой на исходе. «Я сейчас так извелась, - что - или уеду на месяц в Феодосию (гостить к Асе) с Алей, или уеду совсем. Весь дом поднять трудно, не знаю, как быть» (письмо к В.Эфрон от 13 сент.). Оставив детей на попечение мужа и его сестёр, Цветаева в начале октября уехала в Феодосию, к сестре Анастасии. У А.И. Цветаевой недавно умер муж, а вскоре, в июле, и сын Алексей. Её необходимо было поддержать.

Находясь в Феодосии, Цветаева живо наблюдала за событиями, там происходящими. Та Феодосия, к которой она привыкла - Феодосия мелких лавочек, пёстрых восточных базаров, Феодосия генуэзских стен - теперь меняла своё лицо. Каждый день проводились митинги, на которых собирались толпы народа. По улицам стало опасно ходить после наступления темноты. В подвалах и винных погребах разбивали бочки с вином, деньги всё больше обесценивались. В письме от 19 октября читаем: «Я живу очень тихо, помогаю Наде, сижу в палисаднике над обрывом, курю, думаю. Здесь очень ветрено...»

Все дни выпускают вино. Город насквозь пропах. Цены на дома растут так: великолепный каменный дом со всем инвентарём и большим садом - 3 месяца тому назад - 40 000р., теперь - 135 000р..Одни богатеют, другие баснословно разоряются (вино). У одного старика выпустили единственную бочку, которую берёт уже 30 лет и хотел доберечь до совершеннолетия внука. Он плакал ...».

Вспыхнувший в середине октября «винный бунт» Цветаева запечатлела в своих стихах «Ночь. Норд-ост. Рёв солдат. Рёв волн...» и «Плохо сильным и богатым...», которые вошли в книгу «Лебединый стан».

По дороге в Москву в поезде Цветаева из газет узнала о революции и уличных боях в Москве. 56-й полк, в котором служил её муж, защищал Кремль. Цветаева с ужасом думала о том, что может не застать мужа в живых, и писала ему в тетрадку письмо к нему - живому или мёртвому. Из этих записей позже родился очерк «Октябрь в вагоне».

В очерке со всей полнотой отражается цветаевское восприятие революции, так как написан он по горячим следам. Революция Цветаевой - не социально-историческое, а космическое, стихийное явление. В цветаевском творчестве революция и гражданская война представлены как противостояние «святой белогвардейской рати» и «тьмы». Белогвардейцы - защитники святой Руси со всем её патриархальным укладом, царь - наместник Бога на земле. Большевики ассоциируются у неё с «Князевой ратью», с Чингисхановой Ордой. Революция разбудила бунтарский дух народа, при этом подменив старые непреходящие истины новой сомнительной религией:

Коли в землю солдаты всадили - штык,
Коли красною тряпкой затмили - Лик,
Коли Бог под ударами - глух и нем,
Коль на Пасху народ не пустили в Кремль -

Надо бражникам старым засесть за холст,
Рыбам - петь, бабам - умствовать, птицам - ползть,
Конь на всаднике должен скакать верхом,
Новорожденных надо поить вином...

«Коли в землю солдаты всадили - штык...», 1918.

На гребне революции, по Цветаевой, оказываются люди второго сорта, извлекающие максимальную пользу из катастрофы. В своей прозе она называет их «чумазыми» («Мои службы»). Такие «чумазые» появляются и в «Октябре». Это и домовая охрана, которая вдруг обрела чувство собственного достоинства и изо всех сил пытается доказать, к месту и не к месту, что «мы вам не слуги»; это и «шкура в пенсне», которая не пускает мать к собственным детям («Ослепительное - при вспыхивающей спичке - видение шкуры»); это и непрерывно грязно ругающийся матрос, которого никто не может одёрнуть.

Окружающее настолько потрясает Цветаеву, что она пытается мысленно уйти от него, спрятаться в Коктебеле:

«Афиши, всё горло прокричите! Какое нам дело до ваших машин, Лениных, Троцких, до ваших пролетариатов новорожденных, до ваших буржуазий разлагающихся... У нас ураза, виноград, мулла, смутная память о какой-то царице... Вот эта кипящая смоль на дне золочёных чашечек...».

М.И.Цветаева вернулась из Крыма в день, когда бои в Москве кончились. Муж был жив и здоров, и всё было более или менее благополучно. На следующий день, 4 ноября, Цветаева с мужем и его другом прапорщиком Гольцевым снова отправились в путь. Эфрон намеревался через Крым пробраться на Дон, где должна была формироваться Добровольческая армия для борьбы с большевиками. В Коктебеле они провели 2 недели. 25 ноября 1917 года Цветаева выехала из Крыма, чтобы забрать туда детей. Но вырваться из Москвы ей больше не удалось. Исполнилось пророчество Волошина: «Помни, что теперь будет две страны: Север и Юг».

Увиденное и услышанное Цветаевой во время переездов из Москвы в Крым и обратно оказало огромное влияние на развитие в её творчестве революционных мотивов. Стихотворение, написанное в Феодосии в последние дни Октября («Ночь. - Норд-ост. - Рёв солдат. - Рёв волн...») было первой реакцией на свершившийся переворот. После него стихи «Лебединога стана» запестрели эпитетами «кровавый», «красный», «алый». Оформилась постоянная символика цвета: красный, алый - цвет разрушения, белый - цвет благородства и чистоты.

Цветаева пристально следит за событиями на Юге. Через три года, когда 7-8 ноября 1920 года армия Врангеля будет разбита и эвакуирована из Крыма в Константинополь, Цветаева напишет стихотворение, которое назовёт «Взятие Крыма»:

И страшные мне снятся сны:

Телега красная,

За ней - согбённые - моей страны

Идут сыны.

Золотокудрого воздев

Ребёнка - матери

Вопят. На паперти

На стяг

Пурпуровый маша рукой беспалой,

Вопит калека, тряпкой алой

Горит безногого костыль,

И красная до - неба - пыль.

Колёса ржавые скрипят.

Конь пляшет, взбешенный.

Все окна флагами кипят.

Одно - завешено.

1920г.[2, с.65]

К теме взятия Крыма Цветаева вернётся уже в эмиграции. В 1928 году, опираясь на собственные воспоминания, записи С.Я. Эфрона, рассказы других белогвардейцев, Цветаева начинает работать над поэмой «Перекоп». Поэма написана по следам реальных исторических событий: в начале 1920 г. остатки разгромленной армии Деникина были эвакуированы в Крым, где из них была сформирована так называемая «Русская Армия» Врангеля. Барон Врангель взял на себя задачу спасти армию и сохранить честь знамени, поэтому сразу после вступления на пост им был разработан план эвакуации армии и сопровождающего её гражданского населения, который и был успешно выполнен 12 - 14 ноября 1920 года. В задачу офицерского полка Маркова, в состав

ве которого служил С.Я.Эфрон, входила оборона перекопских укреплений. Они должны были сдерживать натиск Красной Армии до окончания эвакуации, а затем отходить постепенно к Севастополю.

Композиция «Перекопа» подчинена строгой внутренней логике. Поэма состоит из 11 глав, каждая из которых имеет свой сюжет. Роль вступления играет первая глава «Вал», в которой автор описывает первую линию перекопских укреплений и даёт общую картину происходящего. Затем следует глава «Дневальный», в ней впервые звучит мысль о разделении между «Русью святой и Тавридой». Вал, по которому шагает часовой - это граница между Севером и Югом, т. е. Между старой и новой Россией. В «Сирени» даётся целостный образ офицера Белой Армии; композиционно она противопоставлена главе «Перебежчики», в которой представлены образы красных. В главе «Брусиллов», переходной между «Сиренью» и «Перебежчиками», автор обращается к теме предательства, причём если простой перебежчик даже не понимает, что он предатель, то Брусиллов - предатель осознанный и оттого ещё более подлый. После главы «Перебежчики» по порядку следует глава «Врангель». Эти две главы связаны между собой психологически: если Красную Армию составляют бунтари, каждый из которых воюет для себя, то марковцы объединены одним порывом - спасти уходящую Русь.

Особую роль играет глава «Прожектор»: здесь впервые вводится библейский мотив братской вражды. Прожектор сравнивается со «зраком Сверху», который вопрошает:

- Каин! - Здесь! - Каин, брат
Где твой? Хриплым, как наш,
гласом: Брату не страж.

[2, с. 133]

Глава «Выход» – финальная глава «Перекопа». Фактически маленькая победа Белой армии не сыграла большой роли в ходе сражения, и впереди её ждёт трагический финал. Но психологически поэма завершена – Цветаевой было важно завершить её маленькой, но победой.

«Перекоп» во многом продолжает записки Цветаевой 17-го года. «Октябрь в вагоне» основан на противопоставлении «простого народа» (черни) и «всего народа» (патриархальной России). В «Перекопе» эта дилемма разрастается до небывалых размеров. Конкретная Перекопская битва ассоциируется с революцией и гражданской войной вообще, а противостояние Красного и Белого движений ощущается как противостояние России советской и царской Руси. Та старая, кондовая Русь, с «куполами звонаря Ивана», с чистой православной Пасхой и Рождеством, - Христова Русь теперь перенеслась в Крым и рассыпалась по зарубежью. Народная сила, веками дремавшая под тяжестью своих оков, вдруг вырвалась на волю, сметая всё на своём пути. Если раньше Стенька Разин, Емельян Пугачёв были для Цветаевой романтическими красавцами-бунтарями, идеалом абсолютной свободы, то теперь эта свобода обращается для неё во зло:

Ваша власть, ребята, - барская,
Наша - братская, солдатская.
- Офицерская, помещичья -
Наша - лёгкая, невесть-то чья!

Прощай, лямка! прощай, честь!
Самая что ни - на - есть
Разработчая, крестьянская!
Станком княжим, серпом чванствуем...

Моя - Васькина - твоя
Власть товарищеская!
[2, с. 137]

Отныне герой Цветаевой - белый офицер, защитник святой Руси. В «Перекопе» она называет его Георгием Победоносцем, он «Русь святу несёт / За пазухой... / - Христовой». Представление о народной революции в поэме окончательно формируется как представление о революции толпы.

Начиная с «Октября в вагоне», в авторский стиль Цветаевой врывается живая разговорная стихия, которая помогает написать дух времени, как художник пишет картину. В «Перекопе» действие, событие, состояние подаётся через диалог:

- Каб не чех!
-Каб не тиф!
Кто-то: - эх!

Кто-то: - жив
бы Колчак...
Солнцепёк.
Солончак.
Перекоп -
Наш.
[2, с.117]

На этой волне в ткань поэмы вливается просторечная, устаревшая и просто архаизированная лексика, множество фразеологических оборотов, элементы народной образности. Для ранней Цветаевой это было не характерно.

Связь «Перекопа» с «Октябрём в вагоне» сильна не только потому, что их объединяет живая струя народной «молви». Впечатления, породившие «Октябрь», оказались настолько сильными, что волновали Цветаеву во все годы эмиграции - и в 1928-м году, когда была написана поэма, и в 1938-м, когда она была переписана набело и снабжена обширными примечаниями (Цветаева пересматривала и «чистила» свои черновики, готовясь к возвращению в СССР). Целый пласт цветаевского творчества, создаваемый на протяжении нескольких лет, формировался под влиянием крымских революционных событий. Поэтому «Перекоп» – основная «революционная» поэма Цветаевой, опубликованная у нас сравнительно недавно, сегодня остро нуждается в достойной критической оценке в первую очередь крымских исследователей.

1. Цветаева М.И. Вечерний альбом: Стихи. - М.: «Книга»,1988. - 230 с.
2. Цветаева М.И. Лебединый стан: Книга стихов о Белой гвардии; Перекоп: Поэма. - Кишинёв: Фирма «Конкордия»; Тирасполь: М.П.»Вега»,1991. - 191с.
3. Цветаева М.И. Сочинения: в 2-х т. - М.: «Художественная литература», 1988. - Т.1, 718с.
4. Цветаева М.И. Стихотворения и поэмы в пяти томах. - Нью-Йорк, «Руссика»,1980. - Т.1, 561 с.
5. Цветаева М.И. Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. - М.: «Художественная литература»,1990. - 398 с.
6. Полякова С. Ещё одно забытое имя.// Литературное обозрение, 1989. - № 10 .- С. 178-186 .
В статье использованы материалы рукописного фонда Дома-музея М.А. Волошина в Коктебеле.